Зельцер Михаил Ефимович

«НЕ ДОЖИЛ МОЙ ОТЕЦ ДО СОРОКА,В ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОМ РАССТАЛИСЬ С НИМ КОГДА-ТО…»[1]

Родители

Мой отец, Зельцер Ефим Маркович, 1897 г. р., еврей по национальности, родился на Украине в каком-то местечке Черниговской обл., недалеко от Белоруссии. Совсем мальчишкой он участвовал в гражданской войне, воевал на стороне большевиков. Был награжден орденом Красного Знамени. Дедушка, лесничий, в годы гражданской войны погиб от рук бандитов. Это во многом определило профессиональный выбор отца. После окончания гражданской войны пошел работать в милицию, а потом окончил юридический институт и был направлен на партийную работу. Будучи начальником организационного отдела Ленинградского обкома, принимал активное участие в подготовке и проведении одного из физкультурных парадов в г. Ленинграде. С. М. Киров как-то сказал: «Говорят, что среди молодежи сейчас нет хороших организаторов. А посмотрите, как работает Ефим Зельцер!» Отца тогда наградили золотыми часами. В конце 1920-х гг. его посылали с ленинградской делегацией в Казахстан: речь шла о планировании новой столицы, г. Алма-Аты. Несколько позже казахстанская делегация приезжала в г. Ленинград. Члены этой делегации подарили отцу графин с надписью, который до сих пор хранится в нашей семье.

В 1934 г. после убийства С. М. Кирова в партийной организации г. Ленинграда прошла «перетряска кадров». Отца направили в г. Томск, где он работал заместителем председателя горисполкома, а потом директором одного из строительных трестов. В 1935 г. в г. Томск переехала вся наша семья (мама и мы с братом).

Мама моя, Лурье Брайна Соломоновна, 1904 г. р., уроженка местечка Лепель Витебской обл. В 1920-е гг. дедушка с семьей переехал в г. Ленинград. Дедушка был лавочником. Мама окончила исторический факультет педагогического института им. А. Герцена и поступила в аспирантуру. Когда во второй половине 1920-х гг. проходила очередная «чистка» партийных рядов, маму исключили из комсомола и из аспирантуры. Причиной являлась та самая лавка, которая какое-то время кормила семью деда. Мама пошла на прием к Марии Ильиничне Ульяновой. Та сказала, что это безобразие, и она похлопочет, чтобы маму восстановили в аспирантуре. Мама ответила, что для нее важнее быть восстановленной в комсомоле. И Мария Ильинична ее поняла. К этому времени мои родители уже были женаты и, вероятно, отец мог бы как-то вмешаться в происходящее. Но менталитет среды, к которой относились мои родители, не позволял им пойти по такому пути. Хлопоты М. И. Ульяновой имели положительные последствия: мама везде была восстановлена.

В г. Томске мама преподавала историю в университете.

Папу арестовали в конце лета 1937 г. Мы, его дети, Рэм, 1926 г. р. и я, Михаил, 1930 г. р., были в пионерском лагере и узнали об аресте отца от мамы. Из г. Ленинграда за нами приехал младший мамин брат, дядя Миша, так как сама мама уезжать не хотела, надеясь, что скоро все образуется. Нас, детей, увезли в г. Ленинград, а за мамой через неделю пришли энкавэдэшники, приглашая как будто бы на свидание с отцом. Ей показалось в этом визите что-то необычное, она спросила о вещах, не взять ли их с собой? Но ее вежливо успокоили, а об аресте сообщили уже в здании тюрьмы. Как потом

рассказывала мама, ее первой реакцией было чувство облегчения: она ни в чем не виновата, а ее арестовали, значит, и отца арестовал и ни за что. Маме дали 5 лет и отправили в АЛЖИР. А об отце мы знали лишь то, что все тогда знали: 10 лет без права переписки.

Война

В 1940 г. умер дедушка, мы остались с бабушкой и братьями мамы. После начала войны нас, детей, эвакуировали прямо со школой 6 июля. Повезли к ст. Новая Русса. А ее вовсю уже бомбили. Перед нашим приездом разбомбили эшелон с детьми. Разместили нас в д. Лычково, рядом с которой строился аэродром. Мы принимали посильное участие в этом строительстве. Но фронт приближался, и нас через Валдай повезли дальше. Вот тогда я первый раз увидел совершенно разбитую деревню: в ней торчали только печные трубы. Везли нас в теплушках в Кировскую обл. Мы с братом страшно хотели домой. В середине августа нас разыскал самый младший мамин брат, Абрам, и повез в г. Ленинград. 20 августа мы вернулись, а на следующий день началась блокада. 1 сентября, как всегда, пошли в школу, а 6—7 сентября разбомбили Бадаевские продовольственные склады, что, собственно, и привело к голоду. Потом мы получали по карточкам жженый сахар, тот, который не успел сгореть.

Продолжались бомбежки. Не было воды, за ней надо было ходить на р. Неву. Кто-то приспосабливался брать ее из луж, образовавшихся на местах разрушения системы водоснабжения. Мы жили по ул. Марата, 2, это на углу Невского проспекта. Во дворе размещалась «скорая помощь». Очень скоро рядом с нашим домом стали находить трупы. Люди пытались дойти до врачей и умирали по дороге. Запомнилась встреча нового 1942 г. На занятия в школу из-за голода мы с братом уже не могли ходить. Наша учительница, которую тоже шатало от истощения, пришла к нам сама, чтобы сказать о новогодней елке. Праздник отмечали в бомбоубежище и получили царские подарки: плитку шоколада и большой толстый армейский сухарь. Несколько раз нас навещали дядья, к тому времени все уже воевавшие. Дядя Мирон раз привез кусок сала, для нас это был пир. Сало не ела лишь бабушка, так как этот продукт запрещен к употреблению иудейской религией. Другой дядя, бывший водителем, привез муку пополам с песком: он что-то возил на мельницу, и там ему удалось намести с пола остатки муки.

Пока у нас были силы, мы дежурили на чердаке, чтобы вовремя потушить зажигательные бомбы, сброшенные фашистами. Нашему дому повезло — такого ни разу не случилось. Однажды в дровяной склад упала фугасная бомба. Но у нас уже не было сил спуститься в бомбоубежище. К счастью, обошлось без взрыва. В январе 1942 г. в соседнем доме был пожар. Так как рядом находился военный объект, приехали пожарные и нас всех вывели из квартир. Всю ночь мы простояли на морозе. Такого лютого мороза в моей жизни больше никогда не было.

В феврале 1942 г. нас вторично эвакуировали. Погрузили в машины и через Ладожское озеро вывезли на ст. Новая Ладога. На станции на нашу семью дали кастрюлю горохового супа. Такая пища после долгого голодания мало способствовала укреплению здоровья, скорее наоборот. Далее в теплушках повезли вглубь страны. Обогревались вагоны буржуйками. На остановках мужчины тащили все, что может гореть. Расписание поезда мы не знали, что создавало дополнительные трудности. Оправлялись на остановках, кто как успел. Пожилые люди стеснялись, пытались как-то уединиться за колесами вагонов, за растительностью и т. д. В один из таких моментов отстала от поезда наша бабушка. Дядя Абрам соскочил с поезда. Это было возле г. Иваново-

Вознесенска. Вдвоем мы с братом доехали до г. Шуи. К счастью, состав загнали в тупик, и дядя с бабушкой нас догнали.

Голод, мало подходящая пища для ослабленных людей, холод, антисанитария делали свое дело. Когда в пути кто-то умирал, накрывали простынью. Приходили на остановках санитары, снимали простынь - а под ней на трупе еще одна — из вшей.

23 февраля, в день Красной Армии, мы приехали в г. Шую. Нас повели в дезинфекционный пункт, оттуда, выдав по маленькому кусочку хозяйственного мыла, отправили в баню. Из бани детей на санях довезли до столовой. Наконец-то впервые за много дней я увидел свежие газеты, прочел статью о Тане 2. После столовой весь эшелон отправили в госпиталь. Там мы пробыли до 8 марта. Потом поехали дальше, в сторону г. Свердловска[3]. Бабушка умерла по дороге и была похоронена в братской могиле. Пролежав еще несколько недель в госпитале в г. Свердловске, мы втроем отправились к сестре дедушки. Она жила в с. Сива на ст. Верещагино, недалеко от г. Перми. В деревне запомнилась баня, которую топили «по-черному». Мы с непривычки в ней угорели. Чуть позже брат и дядя уехали в г. Пермь. Дядя поступил в медицинский институт, а брат - в техникум.

В 1944 г. за мной заехал дядя Абрам и повез к маме, отбывавшей срок в АЛЖИРе.

АЛЖИР

После 5-летней «отсидки» в лагере маму освободили, но уехать не разрешили, как и всем другим отбывшим срок женщинам. Через какое-то время некоторым из них было разрешено вызвать детей. Я — во 2-й партии.

Мы не виделись семь лет, и мне было страшно — вдруг я ее не узнаю, я ведь уже и помнил-то нашу счастливую жизнь до 1937 г. не очень четко, будто из тумана выплывали, как в кино, отдельные кадры. Наш поезд прибывал в г. Акмолинск. На перроне я еще издалека заметил бегущую к нам женщину и понял - это мама. Мы обнялись, прижались друг к другу - и все прошло. Будто мы и не расставались. Только моя мама - сильная, справедливая, большая - на самом деле совсем не большая, просто маленькая, даже меньше меня.

До 26-й точки было километров 40. Мы ехали на повозке. Лошадь бежала бойко, я во все глаза смотрел на бескрайнюю степь. Через несколько часов пути вдали появились купы деревьев, какие-то строения. «Ну, вот мы и дома», — сказала мама. Под домом подразумевался поселок вольнонаемных вокруг «зоны». Здесь жили все — и лагерное начальство, и семьи вохровцев, и бывшие заключенные.

Зона была окружена высокой колючей оградой, по углам — вышки с часовыми, за ней - перепаханная земля и небольшие столбы, между которыми натягивали проволоку. На ней закрепляли длинные поводки сторожевых собак. Здоровенных псов приводили сюда на ночь, и когда их вели, мы, мальчишки и девчонки, да и взрослые тоже, разбегались в стороны, побаиваясь зверюг, которых едва удерживали проводники. Одним словом, настоящий концентрационный лагерь. Но это был не только лагерь, но и одновременно своеобразный совхоз с крупным сельскохозяйственным производством, разнообразными мастерскими, швейной фабрикой.

По утрам заключенных гоняли на работы, вечером они возвращались. На вахте у входа в зону заключенных проверяли, подозрительных обыскивали. Беда,

если находили прихваченные с поля помидоры или морковку — охрана избивала «воришку» на виду у всех.

Часовые на вышках близко к зоне не подпускали, останавливали криком: «Стой, кто идет?» Один из недавно приехавших мальчишек с перепугу в ответ отрапортовал: «Станислав Планида, сын завларьком» и застыл по стойке смирно. Над ним дружно смеялись несколько месяцев.

Изначально лагерь был только женским. Женщины сами обустраивали бараки, заготавливали камыш для обогрева. Мама рассказывала, что тепла хватало ненадолго, и к утру волосы примерзали к оконным стеклам. На всех подсобных работах тоже были заключенные женщины. Кого только не собрал лагерь - здесь находились и артистки, и ученые, и инженеры, и преподаватели. Лошадьми с ассенизационными бочками поначалу управляли дамы в шляпах. Шляпы потом поистрепались, и все приобрели лагерный вид.

Были в лагере и женщины, что называется «от сохи». Одна из соседок по бараку как-то пожаловалась маме, что посадили ее ни за что. «Следователь кричал: «Муж у тебя тракторист», а трактористом-то он никогда не был, он бригадиром был», — рассказывала она. Бедолага, никогда не слышала слова «троцкист», воспринимала его как более знакомое слово - «тракторист».

К тому времени, когда я оказался в АЛЖИРе, лагерь перестал быть только женским, здесь были и мужчины, отбывавшие срок по злополучной 58-й статье, внутри зоны располагалась еще одна, особая, для мужчин-уголовников. Но большинство обитателей лагеря составляли все же женщины, определившие название лагеря.

Часть своей нерастраченной нежности замечательные женщины АЛЖИРа изливали на нас, на десятка два мальчишек и девчонок, которым повезло попасть к матерям. Чего только они для нас не делали. Они учили нас языкам, музыке и танцам, подкармливали. На концертах, которые давали заключенные артистки, мы видели образцы настоящего искусства.

А какая чудесная школа была в АЛЖИРе! Таких добрых, неформальных, по-настоящему дружеских отношений с учителями я нигде ни тогда, ни сейчас не видел. Возвратившись через несколько лет в г. Ленинград, я долго не мог привыкнуть к обычной школе.

Зинаида Наумовна Гинзбург преподавала нам литературу и немецкий язык. До ареста она была директором опытной школы при Наркомпросе СССР. Говорили, что еще за неделю до ареста ее представили к награждению орденом Ленина. Долгое время она работала в секретариате А. В. Луначарского и очень интересно об этом рассказывала. В литературном кружке мы не очень придерживались школьной программы и достаточно серьезно анализировали творчество классиков, выступали с докладами.

Как-то Зинаида Наумовна поручила мне выяснить мнение Белинского, не помню уж, по какому поводу. Библиотека в поселке была только одна — в ВОХРе. Я отправился к политруку ВОХРа, в ведении которого находилась библиотека, и спросил, нет ли у них Белинского. «В составе дивизиона такого не числится», — отрубил политический воспитатель военизированной охраны и с достоинством удалился.

Галина Петровна Уличникова (до ареста сотрудница лаборатории Туполева), Клавдия Ивановна Дойникова, наш директор, обучали нас не только математике и физике, но и человеческому достоинству (некоторые учителя были еще заключенными, только расконвоированными — им разрешалось без

конвоя ходить в школу, располагавшуюся вне зоны), выдержке, стойкости, терпимости к чужой точке зрения. Ох, как это пригодилось впоследствии.

Мама присматривалась ко мне, вероятно, определяя, что можно рассказывать, а о чем пока умолчать, чтобы не травмировать 14-летнего мальчишку. Рассказала о своем аресте. В виновность отца она не верила, а в справедливости советской власти тогда не сомневалась и поэтому не уехала вместе с нами. Дедушка, мудрый человек, попытался ее уговорить, именно он прислал из г. Ленинграда дядю за нами. Он был прав, конечно. Уехала бы мама с нами, избежала бы ареста. Сталинская мельница, перемалывающая людей в лагерную пыль, махала крыльями без особого разбора. Через много лет мой друг рассказывал: когда пришли арестовывать его родителей, дворник, хорошо к ним относившийся, соврал, что их нет дома. Энкавэдэшники ушли, и родители друга продолжали жить и работать на старом месте. Видно, забыли или план арестов перевыполнили.

Потянулись дни и месяцы жизни в АЛЖИРе. Шла война, и женщины работали не за страх, а за совесть. Участвовали в соцсоревновании, писали коллективные письма Жукову, Рокоссовскому (последнему чаще, знали, что он тоже сидел). В письмах призывали громить фашистских захватчиков, а они, женщины, здесь, в лагере, будут помогать фронту своим трудом. В общем, обычный советский военный быт, только в специфических лагерных условиях.

Работала на 26-й точке комсомольская организация. Я подошел к комсомольскому возрасту и очень боялся, что не примут. Вместе с одноклассниками, в большинстве случаев ребятами с такой же судьбой, готовились - зубрили устав, читали про историю комсомола, мысленно отвечая на возможные вопросы. Нас приняли — облегчение громадное, но еще нужно было утверждение в политотделе Карлага. Зимой на санях поехали в г. Караганду, а уж затем на грузовике — в с. Долинку, центр Карлага. Там нас принимал какой-то важный чин в майорских погонах, посматривал, улыбаясь, и объявил, что мы можем считать себя комсомольцами. Счастливые, возвратились назад.

Комсомольская организация — общая и для школьников и для вохровцев. На одном из первых собраний разбираем персональное дело вохровца — парня лет 20—22, совершившего недостойный комсомольца поступок. Он вступил в интимную связь с заключенной. Каким образом начальство об этом узнало, неизвестно, видимо, кто-то донес. Но это и не обсуждалось. Парень признался в преступлении и покаялся. Как-то не по себе от такого публичного обсуждения, но, куда деваться, все дружно проголосовали за наказание — выговор с занесением в личное дело.

Как-то мама рассказала о Лазуркиной. Она - старый член партии с 1898 г. В г. Ленинграде пользовалась огромным уважением в партийной среде, и мама, попав в лагерь и увидев Лазуркину, просто остолбенела. «Я, я, что ты на меня уставилась», - прореагировала Лазуркина. Она была убеждена, что Сталин ничего не знает об арестах старых большевиков, что его обманывает недобросовестное окружение. Не одно письмо было отправлено ею в комиссию госпартконтроля, ответов, естественно, не было, а она все продолжала верить в Сталина. Мать, историк по образованию, прочитав изданный под редакцией Сталина «Краткий курс истории ВКП(б)», верить перестала. Очень осторожно, не сразу она рассказывала о неправде в этой книге, о подозрительных обстоятельствах гибели Кирова, о которых тайком говорили еще в 1935—1936 гг. С Лазуркиной они спорили при каждой встрече, но убедить друг друга не могли.

Убедительные доводы дала сама жизнь. В 1956 г. мы с мамой, к тому времени реабилитированной, пошли в г. Ленинграде в кино. Перед сеансом шел киножурнал, и мама вдруг толкнула меня локтем: «Смотри, Лазуркина». На экране двигалась пожилая женщина с орденом Ленина на груди. Она, как оказалось, к тому времени была членом комиссии содействия реабилитированным. Мать встретилась с Лазуркиной, они вспоминали АЛЖИР и уже не спорили. А потом эта история имела любопытное продолжение. Уже в 1961 г. я в г. Алма-Ате читал отчет в «Казахстанской правде» о XXII съезде партии и наткнулся на имя Лазуркиной. От имени ленинградской партийной организации она предложила вынести тело Сталина из мавзолея. Ее выступление подробно описывалось в газете, и я просто не могу не рассказать о нем. Привожу выступление Лазуркиной по памяти: «В 1937 г. Жданов возвратился из г. Москвы после заседания Политбюро и сообщил, что два видных члена Ленинградского обкома партии оказались вредителями, «врагами народа». Одного из них я знала плохо, но другого очень хорошо, со времен подполья. Я подошла к Жданову и сказала, что ручаюсь за него, как за себя. Жданов посмотрел на меня суровыми глазами и сказал: «Не лезьте не в свое дело, иначе Вам будет плохо». Но мы, старые большевики, никогда не думали, будет ли лично нам хорошо или плохо, мы думали, будет ли хорошо нашей партии. Из лагеря мы много раз требовали пересмотреть наши дела, но комиссия партконтроля оказалась не на высоте и не реагировала на наши письма. Всю свою жизнь я привыкла советоваться с Владимиром Ильичем и вчера я снова с ним посоветовалась. Владимир Ильич сказал, что ему неприятно лежать рядом с таким человеком».

Об очень многом я передумываю теперь, на склоне лет, вспоминая эту историю. О благих намерениях, которыми вымощена дорога в ад, о бесконечной наивности, казалось бы, мудрых людей, о страшном вреде фанатизма любого рода, об опасности нетерпимости к чужим взглядам и поступкам, о судьбе, так круто и сурово обошедшейся с нашими отцами и матерями.

Мама опять арестована

В 1946 г. мы с мамой вернулись в г. Ленинград. Родительская квартира была сохранена, так как в ней жила семья одного из маминых братьев. Из г. Перми вернулся Рэм. Он поступил в Инженерно-экономический институт, я продолжал учебу в последних классах средней школы. Мама работала бухгалтером в какой-то артели. Казалось, жизнь налаживается. Но в 1949 г. маму опять арестовали. Произошло вот что. Мама встретила своего ученика-рабфаковца, довольно-таки интересного человека. Обсуждала с ним издание сочинений известного российского юриста А. Ф. Кони, бывшего председателем суда на процессе Веры Засулич. Она стреляла в петербургского градоначальника Трепова, который приказал высечь политзаключенного студента. Суд ее оправдал. Мама поражалась, что такое было возможно в царское время. А ее бывший ученик оказался сексотом.[4]. К несчастью, мама также в каком-то другом разговоре позволила себе поиронизировать над ситуацией, описанной в поэме Н. А. Некрасова о декабристках, в которой одну из них представители царской власти отговаривали ехать в ссылку к мужу[5].

Когда маму ознакомили с материалами заведенного на нее дела, у нее вырвалось: «Да это же детский лепет!» «За этот «лепет» я Вам дам срок на всю катушку», — оборвала ее женщина-следователь. В качестве свидетелей допрашивали наших семейных друзей. Один из них вел себя не очень красиво, зато другой буквально спас нас с братом. Когда следователь стала выяснять, присутствовали ли при маминых разговорах дети, он категорически отрицал наше присутствие, тем самым он спас нас от судьбы наших родителей.

Три года мама просидела в Ленинградском Большом доме (так называлась тюрьма). У меня остались жуткие воспоминания о первых двух свиданиях с ней. Мы сидели на противоположных концах длиннющего стола, и у мамы на глазах — слезы, хотя она была сильным человеком. Второй раз мы встречались в комнате, перегороженной двумя сетками и проходом с надзирателем посередине. И уже только потом, много позже, мы получили возможность сидеть рядом и нормально разговаривать, видя глаза друг друга. В 1952 г. маму отправили в Карлаг: пос. Бурма ст. Жарык Карагандинской обл.

В 1954 г. я окончил Ленинградский медицинский институт. Хотел быть историком, но мама меня отговорила, за что я ей очень благодарен. Поехал по направлению в Испульскую райбольницу Гурьевской обл. По дороге заехал к маме. Попрощались. Я сел в подводу, со мной еще какая-то женщина. Вижу, мама взволнованно замахала руками. Как потом оказалось, сидевшая со мной женщина была сексотом, и мама хотела меня об этом предупредить. Лично мне везло. В моем ближайшем окружении не было доносчиков, иначе и мне бы несдобровать. Во время «дела врачей» я не раз позволял себе резкие высказывания. Мой брат к этому времени также окончил вуз. Недолго поработал в г. Пензе, а потом обосновался в г. Москве.

Начиная с 1949 г., я посылал письма в различные инстанции, пытаясь добиться справедливости для своих родителей. Все безрезультатно. Хорошо помню приезд секретаря райкома в с. Кулагине, где я работал. Я должен был ехать по району с плановым обследованием, но задержался специально, чтобы послушать сообщение секретаря о работе XX съезда. Конечно, услышанное меня окрылило. Вскоре маму освободили и реабилитировали, затем последовала реабилитация отца. Вот тогда-то мы и узнали о его расстреле.

После освобождения

Мама, заехав ко мне, вернулась в г. Ленинград. Но жить там отказалась: мучили воспоминания. В 1957 г. я переехал в Южно-Казахстанскую обл., а моя жена поступила в Алма-Атинский медицинский институт. Мама приехала в г. Тюлькубас, это там же, в Южно-Казахстанской области. Еще раньше она вышла замуж за агронома, также по 58-й статье отбывавшего срок в Карлаге. В 1973 г. вместе с мужем переехала в г. Алма-Ату, где я уже жил со своей семьей.

В 1977 г. мама умерла. До последних дней она сохранила ясный ум, твердость характера, удивительную способность распознавать суть человека едва ли не с первой встречи. Я не раз уговаривал ее написать воспоминания. Мама соглашалась, но так и не собралась. Видно, вспоминать было нелегко.

Не знаю, как бы она приняла наше время. Ей было бы трудно примириться с расслоением общества, социальной незащищенностью, неравными возможностями. Хотя сама она - человек сильный и целеустремленный - могла бы добиться многого.

Я часто думаю об исковерканной жизни поколения моих родителей, об их несбывшихся надеждах, нереализованных способностях. Научат ли их трагические судьбы чему-нибудь тех, кто придет после нас? Хотелось бы в это верить.

1. Первые строки стихотворения автора воспоминаний, опубликованного им в сборнике «Непрофессиональные раздумья». — Алматы, 2000. —С. 102.
2. Зоя Космодемьянская.
3.С 1991г. - г. Екатеринбург.

4. Секретный сотрудник. В обязанности последнего входило информирование органов МГБ-КГБ о настроениях в массах.
5. Декабристки — жены декабристов, дворянских революционеров (в основном офицеров) — участников декабрьского 1825 г. восстания против самодержавия и крепостничества. После суда над участниками восстания пятеро руководителей были казнены, остальные приговорены к каторге, ссылке. Вслед за мужьями в Сибирь по собственному желанию последовали жены декабристов, в частности княгини М. Н. Волконская, Е. И. Трубецкая и другие. Этим женщинам пришлось отречься от гражданских прав и дворянских привилегий. В поэме Н. А. Некрасова «Русские женщины» (1872—1873 гг.) воспеты мужество и верность жен декабристов.